

ЮРИЙ
БУРНОСОВ

ЧЕРА
И
ЗНАКИ

ТРИ РОЗЫ

Числа и знаки

Юрий Бурносов

Три розы

«Автор»

Бурносов Ю. Н.

Три розы / Ю. Н. Бурносов — «Автор», — (Числа и знаки)

Загадочная, как «Имя Розы», зловещая, как «Сонная лощина», захватывающая, как «Братство Волка», – так отозвалась пресса о первой книге из цикла «Числа и знаки» Юрия Бурносова под названием «Два квадрата». Роман «Три розы» продолжает знакомить нас с расследованием, которое, рискуя жизнью, а порой и рассудком, ведет сыщик, прима-конестабль Хаиме Бофранк. Множатся таинственные убийства, обстоятельства смертей становятся все загадочней, и вновь рука убийцы выводит на телах жертв знак двух квадратов. «Когда погибнет третья Роза, утро забудет наступить, и наполнится земная юдоль стоном и плачем, и не будет заступника...» Не сломленный духом сыщик Хаиме Бофранк выходит в новый поход против зла.

© Бурносов Ю. Н.

© Автор

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ,	5
ГЛАВА ВТОРАЯ,	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	15
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,	20
ГЛАВА ПЯТАЯ,	24
ГЛАВА ШЕСТАЯ,	29
ГЛАВА СЕДЬМАЯ,	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юрий Бурносов

Три розы

Дьявол всегда озабочен увеличением числа своих сторонников.
Гваццо. Compendium Maleficarum

Зачем же мы должны оставлять теперь путь известный, указанный нам в проповедях, чтобы следовать по неизвестному?
Энеа делла Стуфа

Высшие существа остаются такими, какими должны быть в вечности.
Джованни Пико делла Мирандола. 900 тезисов (Речь о достоинстве человека)

Как это происходит, невозможно описать словами, лишь испытать на себе. Ибо все, что можно сказать об этом, так далеко от действительности и ничтожно, как песчинка по сравнению с небом. Чтобы мы сами это испытали и достигли, да поможет нам Бог!
Иоханн Таулер. Проповеди

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой мы возвращаемся ненадолго к событиям, завершающим книгу о двух квадратах, и где также появляется некий Мальтус Фолькон, коему в дальнейшем нашем повествовании будет уделено не так уж мало места

Как уже было сказано, путешествие к Ледяному Пальцу подкосило и здоровье, и рассудок Бофранка, каковые пришли в полнейшее расстройство. Порою он бывал весел и бодр, но иногда углублялся в себя и сидел, погружен в раздумья, что-то бормоча себе под нос. Запустив прическу и позабыв румяна, конестабль подурнел, и к возвращению в столицу не каждый из знакомых узнал бы прежнего щеголя Бофранка.

Грейскомиссару Фолькону он написал пространный отчет, содержащий в основном сведения о землях Северной Марки, их обитателях, обычаях, а также некие намеки в отношении бургмайстера Вольдемаруса Эблеса. Что касаясь событий на острове Сваме, конестабль о них умолчал, ограничившись лишь замечанием, что на побережье живут бедные рыбаки, сам же остров безлюден и непригоден для обитания.

Хорошо ли поступил Бофранк, дурно ли, он старался не думать. Одним утешался конестабль: властвовали над ним вещи выше его постижения, так что трудиться их понять было и напрасно, и душепогубительно.

Не желая ни обдумывать, ни обсуждать сии необъяснимые события, Бофранк доверился лишь Проктору Жеалю. Тот – а они как раз сидели в “Камне” – выпил рюмочку мятной настойки и промолвил:

– История твоя темная, и многое в ней напоминает дурманный бред – вот что я сказал бы, не знай я тебя, друг мой Хаиме. Допустим, что противостояние странных ветвей не менее

странной религии – истинно. Доказать это, равно как и опровергнуть, ты не можешь. Я не знаю, что случится, если появится здесь пресловутый Шарден Клааке. Но покамест его нет и судьба его неизвестна, ты – единственный свидетель. Баффельт даже не вызвал тебя для аудиенции – это говорит о том, что интерес к тебе утрачен. Дело об убийстве грейсфрате осталось нераскрытым, и грейскомиссар, полагаю, также решит, что в тебе нет нужды. Вернись к преподаванию и постарайся забыть обо всем, если только сама жизнь не найдет способа напомнить.

Следуя словам Жеаля, Бофранк и в самом деле вернулся к преподаванию, как только почувствовал в себе должные для того силы. Единственно, чего он опасался, так это появления злокозненного Шардена Клааке, но тот словно в воду канул.

Труды Секуративной Палаты после того, как вместо умершего герцога ее непосредственным куратором стал брат покойного владельца Нейс, ничуть не уменьшились; говорили, что герцог Нейс почти никак не касается секуративных дел, оставив все вопросы на усмотрение руководства Палаты – верно, так было к лучшему. Что же до правящего короля, то ему и в прежние поры не доставало желаний интересоваться сыскными делами.

Со временем к конестаблю вернулась прежняя требовательность к платью, он в меру возможностей обновил гардероб согласно требованиям теперешней моды и некоторое время после попытался разыскать своих давешних спутников.

Обнаружить Акселя труда не составило – он так и служил в Секуративной Палате и даже немного возвысился в чине, сделавшись командиром ночного патруля в ранге десятника. Не найдя в себе сил опуститься до излишнего панибратства с простолюдином, Бофранк тем не менее выпил с ним по стакану вина в “Козе и розе”. Аксель тут же порекомендовал конестаблю в прислуги некоего пройдошистого малого именем Лееб, на что Бофранк обещал подумать – с горечью заметив про себя, что денег на содержание постоянной прислуги у него теперь решительно недостает.

Поведал Аксель и о судьбе Оггле Свонка. Тот, как выяснилось, работал подмастерьем в лавке мясника и на жизнь не жаловался, Аксель порою покупал у него то окорок, а то бычью печенку по весьма невысокой цене (дешевизна объяснялась тем, что Оггле Свонк попросту крал с ледника у своего хозяина).

– Не думаешь ли ты жениться, Аксель? – спросил Бофранк, когда разговор иссяк, и говорить было вроде уже не о чем.

– Думаю, хире, – закивал Аксель. – И даже присмотрел уже девушку из хорошей семьи: отец ее суконщик, а брат служит в кавалерии.

– Что ж, не забудь пригласить на свадьбу, коли таковая случится, – сказал Бофранк, собираясь. Аксель принялся благодарить, но конестабль его уже не слушал, размышляя о том, что завтра вновь придется вещать с кафедры о прелюбопытных вещах людям, каковым нет до них никакого дела.

– ...И не стоит думать, как ошибочно делают многие, что в зрачке убиенного запечатлется образ его убийцы; ученые исследования показали, сие всего лишь заблуждение, притом опасное...

Бофранк прервал лекцию и воззрился на задние ряды аудитории, где обыкновенно обитали слушатели нерадивые и худородные.

– Не мог бы хире Земпер повторить сказанное мною только что?

– Вы говорили о глазах, хире прима-конестабль.

– И что же я говорил о глазах?

– Что... что в глазах убийцы запечатлен образ убиенного... то есть наоборот...

Конечно же, Земпер лекции не слушал, да и как ее слушать тому, кто скрытно играет на скамье под партою в карты. Подсказывал, как заметил Бофранк, другой игрок, именем Адальберт Мунк; то ли подсказал неверно, то ли глупый Земпер все перепутал с испугу, однако Бофранк велел наказать обоих. Прилежный толстячок Таут, учебный староста, записал пове-

ление в свою книжицу, и констебль мог быть уверен, что после занятий и Мунка и Земпера примерно высекут. Беда в том, что подобное вразумление для седалищ никак не влияло на умственные способности...

Закончив лекцию, Бофранк порекомендовал слушателям новую книгу Белейдера “О способах удушения и распознании оных”, написав дополнительно название на аспидной грифельной доске – в надежде, что трое-четверо захотят купить ее в лавке, а еще с десяток затем возьмут у них прочитать; на остальных он ничуть не рассчитывал.

Пополнение, выходявшее из стен Академии, не радовало – об этом Бофранк мог судить по первому своему выпуску. Слушатели со способностями шли работать в Фиолетовый Дом, кто похуже – в иные государственные учреждения, где потребны были выпускники со знаниями Палаты, остальные же разъезжались по стране, чтобы в самых дальних ее уголках сделаться истинными мечами пресветлого короля и миссерихордии. Возможно, Бофранк был не прав, когда обнаруживал упадок учебного усердия, но такие слушатели, как Земпер или же Мунк, заставляли его сожалеть о карьере преподавателя.

Что до миссерихордии, то Бофранк, следивший и за церковными, и за светскими делами без особенного тщания, все же заметил, что грейсфрате Баффельт начал изыскивать врагов короля и веры уже внутри самой церкви. Двух епископов, абсолютно благонадежных и богобоязненных, обвинили в ереси и казнили – одного сдиранием кожи, второго четвертованием... Неожиданно ушел в отставку кардинал Дагранн, один из ближайших сподвижников Баффельта в первый год его службы. По слухам, доходившим из королевского окружения, где у Бофранка были кое-какие знакомые, королю не было дела до происходящего в вотчине Баффельта – был бы порядок в государстве! И то верно: по отчетам Секуративной Палаты, число преступлений как в столице, так и в иных городах снизилось едва ли не вчетверо. Способствовало тому и подписание нового королевского “Указа о соизволении продажным женщинам употреблять свое тело в целях получения денежной или иной мзды”; теперь отнюдь не возбранялось заниматься таковой работою, но с уплатою налогов и под строгим контролем со стороны специально заведенного в Палате отделения. Кое-кто возроптал, но церковью было сделано необходимое разъяснение о том, что налоги пойдут на дело богоугодное и есть достаточно примеров в священных писаниях, когда женщины служили телом и всем посредством тела заработанным во благо вере и в процветание государства.

Попуту Бофранк собрался было позавтракать, и хозяйка принесла уже еду, как кто-то постучал в двери. К сожалению, хозяйка отправилась к прачке, и констебль вынужден был сам спуститься вниз и отворить.

На ступенях стоял юноша, почти мальчик, в дорогом костюме, дорогой же фиолетовой шляпе, в коротком плаще, служащем защитою от дождя, что шел с самой ночи, и со шпагою на поясе. По эмалевому значку на эфесе Бофранк сделал вывод, что перед ним – его коллега по Секуративной Палате, а по крупному аграфу зеленого золота, скрепляющему плащ пришельца на правом плече, заключил о несомненном богатстве гостя.

– Прошу простить меня, хире, но мне нужен прима-констебль Хаиме Бофранк, – сказал юноша с напускной важностью, долженствовавшей скрыть робость.

– Я и есть Хаиме Бофранк. Юноша коротко поклонился:

– Меня зовут Мальтус Фолькон, хире. Я всего лишь младший архивариус, но прошу не делать из этого поспешных выводов, равно как из того, что мой отец – грейскомиссар Фолькон.

– Я и не успел еще сделать никаких выводов, – с досадою промолвил Бофранк. – Я всего-навсего собирался позавтракать... Что вам угодно, хире Фолькон?

– Я хотел бы рассказать вам об одном недавнем печальном событии, которое, несомненно, вас заинтересует.

– Что же это за событие?

– Нельзя ли войти в дом, хире Бофранк? Я расскажу вам все по порядку.

– Что ж, прошу, – сказал Бофранк, пропуская неожиданного гостя внутрь.

Ничем не выказав своего мнения о скромной обстановке и еще более скромном завтраке, что остывал на столе, юный Фолькон сел на стул, поставив шпагу меж ног, и попросил:

– Если я нечаянно прервал вашу трапезу, хире Бофранк, то прошу вас, не стесняйтесь, продолжайте, меня это ничуть не смущает.

– Могу предложить вам вина, – не слишком приветливо сказал Бофранк, беря вилку, но Фолькон покачал головою:

– Еще слишком рано, к тому же я почти совсем не пью.

– Тогда рассказывайте; мне уже скоро на службу.

– Дело в том, – начал юноша, – что в архиве я работаю по причине своего возраста, недостаточного для поступления в Академию. Однако я попросил отца устроить меня хотя бы туда. Это, знаете ли, дисциплинирует, к тому же я хочу приучить себя ко всему, с чем придется столкнуться, заранее.

– В архиве?!

– Я по возможности посещаю места преступлений, в том числе весьма омерзительных, и переношу это не в пример лучше многих великовозрастных гардов, – с достоинством произнес Мальтус Фолькон. – Но к делу. Недавно, разбирая бумаги, я обнаружил ваш подробный доклад, описывающий ряд убийств, совершенных в некоем удаленном поселке.

– Это дело давно все забыли, и сам я предпочел забыть! – резко сказал Бофранк.

– Может, и так, хире... Признаться, я никак не выделил доклада среди иных документов, которые я прилежно прочитываю и изучаю. Я бы и не вспомнил о нем, если бы не вчерашнее происшествие на улице Поденщиков.

– Что за происшествие? – Бофранк налил себе вина, поймав при том укоризненный взгляд юноши, и нарочито сделал большой глоток.

– Продажная женщина, хире... – Фолькон покраснел. – Возможно, вы слышали, что на улице Поденщиков убили продажную женщину.

– Стану я собирать слухи, – с раздражением заметил Бофранк, ковыряя вилокю еду. – Мало ли убивают продажных женщин в городе с населением в добрые пять сотен тысяч? Коли мы станем грустить о каждой, не хватит времени на добрых людей.

– Да, но не каждую убивают подобным способом.

– Что же с ней сделали? – довольно безразлично спросил Бофранк.

– Старик, у которого она снимала угол, лишился чувств, обнаружив тело. Голова была отсечена, притом доселе неизвестно, где она обретается, а промеж ног несчастной был вставлен хвост коровы, украденный, вероятно, с бойни. На теле вырезан был странный знак, напоминающий наложенные друг на друга два квадрата.

Бофранк отложил вилку.

– Далее. Говорите далее.

– Больше мне нечего сказать, хире Бофранк. Разве что назвать имя несчастной девушки – ее звали Роза Эма Рената, двадцати семи лет от роду.

Продажную женщину двадцати семи лет от роду трудно назвать девушкой. Про нее не скажешь, подобно поэту:

Рыдайте, дочери, матери со чада!
Ведь солнце вашей чести прочь от вас
Ушло отныне в неурочный час,
Померкнув в клубьях копоти и чада.

Но Бофранк оставил это незначительное упущение без ответа. Чтобы оттянуть разговор, он еще немного поел, не обращая притом никакого внимания на пристальный взгляд юного Фолькона, запил пищу вином и только после этого спросил:

– И чего же вы хотите от меня, хире Фолькон?

– Я вспомнил ваш доклад... – повторил юноша в смущении. – Я нашел ряд несомненных совпадений и подумал...

– Мне совершенно безразлично, что вы подумали, – прервал его Бофранк. – Я, знаете ли, ныне занимаюсь преподаванием и не имею времени для выслушивания подобных умственных экзерциций юных архивариусов. Посему прошу вас не мешать мне далее завтракать... Оставьте мой дом, хире Фолькон!

– Но... Но я думал...

– Ступайте же! – велел Бофранк, возмущась. Юноша поднялся и, в смятении комкая в руках свою шляпу, попятился к дверям. Бофранк проводил его взором и вернулся к завтраку, но ум его бежал еды.

Обстоятельства, о которых поведал юный Фолькон, насторожили констебля, ибо никак он не ожидал, что воспоминания о тех мрачных днях возобновятся здесь, в столице. Можно было предположить, что убийство совершил некто, читавший отчеты Бофранка или знавший о событиях в поселке, – дабы запутать следы. Однако Бофранк отнюдь не полагал, что самое простое решение вопроса и есть верное.

Отрубленные пальцы руки неожиданно отозвались острой мгновенной болью. Констебль застонал и опустился на постель, мучимый болью телесной и смятением душевным. Дождь, шедший всю ночь, припустил с новой силой, но Бофранк этого не заметил...

*Многие люди говорят,
Что сны – это обман и ложь,
Но бывают такие сны,
В которых нет ни капли лжи*

Роман о Розе

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Бофранк обращается к толкованию сновидений, ибо видит странный сон, и узнает чрезвычайно много о природе ночных кошмаров

Как известно всем, человеку свойственно видеть сны разного порядка: дурные, приятные или же смутные. Ученый референдарий Альтфразе в свое время удумал классифицировать виды человеческих снов, которых полагал не более двух сотен, однако от умственного усилия скоро тронулся рассудком и был помещен в Одервальд – обитель скорби для таких, как он. О существовании одного референдаря Хаиме Бофранк вспомнил рано утром, когда проснулся с громким криком и в порывистости движений едва не упал со своего ложа на пол.

Сон его был ужасен – привиделось ему, как будто он стоит на одной из главных площадей города, подле памятника герцогу Энрадеру, а над городом светит большая луна отчего-то ярко-красного цвета. Сам конестабль притом абсолютно и неприлично гол, а в руках имеет вместо шпаги корявую палку, а вместо пистолета – ночной горшок. И вдруг со всех сторон к нему начинают сбегаться кошки разного размера, но одного цвета, а именно угольно-черного, и скалят свои маленькие острые зубы, и выпускают свои маленькие острые когти, и глядят пристально, и глаза у них – человечьи. И, хотя кошки не кусали и никак иначе не касались Бофранка (сон был не из самых страшных – случается, что грезятся вещи куда более богомерзкие и ужасные), сердце его билось с необычайной силой, а руки тряслись. Самое же неприятное было в том, что сон этот снился Бофранку уже восьмую ночь подряд – с незначительными вариациями, и каждое пробуждение было беспокойнее предыдущего.

Уже в послеобеденное время конестабль изыскал Проктора Жеалья, по обыкновению кипятившего в тигле нечто, испускающее отвратительный смрад, и поведал о своих бедах.

– Что же с того? – спросил Жеаль, помешивая варево стеклянной палочкой. – Очевидно, ты чересчур много пьешь вина на ночь. С этой привычкой пора покончить, ибо возраст твой...

– Ты, верно, не слушал меня! – резко отвечал Бофранк. – Того не может быть, чтобы один и тот же сон снился несколько ночей кряду!

– А жаль, – заметил Жеаль. – Иной фривольный сон прерывается весьма некстати, и недурно было бы увидеть его в следующую ночь. Правда, бытует мнение, что подобные сны внушает враг рода человеческого, и являющиеся нам суккубы...

– И опять ты не о том! – в раздражении сказал Бофранк, садясь на шаткий табурет. – Помнишь, ты как-то говорил мне о референдарии Альтфразе?

– Альтфразе? Но бедняга в доме для умалишенных.

– Нельзя ли проверить? Возможно, он уже излечен, и я хотел бы навестить его – может быть, он сумеет растолковать мои сны.

– Толкование сновидений – практика весьма сомнительная, друг мой Хаиме. Многие полагают его ересью, другие – пустым шарлатанством, направленным разве на обирание незадачливых простаков. Однако сказывают, есть и серьезные толкователи. Одного такого я знаю – он жил в столице еще год тому, да и сейчас, надо полагать, живет, коли не сгубило его ржаное крепкое вино и темное пиво, до которого он был великий охотник.

– Что он за человек?

– Вопреки твоим ожиданиям, молод и весел, не чета сумасброднему старцу Альтфразе. Полагаю, тебе он понравится.

Кого не пленит

Доблестей список свободный:

Взор смел и открыт,
Полон силы природной;
В поступках сквозит
Строй души благородной...

Впрочем, ты сам все увидишь, друг мой Хаиме.

– А как же референдарий? – спросил Бофранк.

– Я наведу о нем справки, но более доверяю как раз Альгиусу – так его зовут. Знакомство наше было шапочное, но, думаю, он меня припомнит, коли явлюсь. Да что говорить, прямо сейчас и поедем, коли есть время.

– А как же твой опыт?

– Опыт мой не удался, – разочарованно сказал Жеаль, выливая варево в лохань. – Видишь ли, состав должен иметь цвет золотистый с черными прожилками, а тут невесть что за цвет. После я попробую с другими веществами, пока же пойдем на свежий воздух, ибо от дыма и чада у меня разболелась голова.

Наняв двухколесную открытую повозку, они поехали к Четырем Башням, где, по словам Жеаля, год назад обитал толкователь сновидений. Возница остановил у самих башен, сказавши, что дальше везти почтенных хире не станет, ибо место это беспокойное и делать ему там вовсе нечего. Расплатившись, Бофранк и Жеаль далее пошли пешком, сопровождаемые взглядами местных жителей, по виду людей в самом деле опасных. Конестабль пожалел, что не взял с собою пистолета; впрочем, вдвоем с Жеалем, который презрительно фехтовал, они могли отбиться и шпагами, коли нападающих не будет слишком много.

Против ожиданий, путь до самого дома Альгиуса не принес никаких приключений, да и жилища попадались порою самого приличного свойства, иные даже с ухоженными маленькими садиками, что говорило о благородном нраве обитателей.

Постучав в дверь Альгиуса бронзовым молотком, коим следовало известить о визите, Жеаль застыл в ожидании.

– Только бы он не переехал либо не помер, – заметил он.

Однако Альгиус не переехал и не помер. Он даже сам отворил дверь, так как прислуги в доме, похоже, не имелось. Конестабль тут же убедился, что почтенный толкователь пьян; Жеаль же не успел слова молвить, как Альгиус вскричал, очевидно, приняв прибывших за кредиторов:

– Нет! Нет! Ежели вы зайдете завтра, непременно отдам, но сегодня – никак не могу!

– Что ты говоришь, дорогой Альгиус! – воскликнул Жеаль. – Или ты не узнаешь меня? Я Проктор Жеаль, а со мною хире Хаиме Бофранк.

– Не имел чести, – пошатываясь, словно святой Лид на виселице, пробормотал Альгиус. Из-под длинных волос, свисавших в беспорядке во все стороны, на конестабля внимательно глянули два сильно косящих глаза, после чего толкователь добавил:

– А вот у вас, хире, я три года тому весьма удачно купил две рукописи Монсальвата, за что вам спасибо.

Конестабль не слыхивал ранее, ни кто такой Монсальват, ни что за рукописи он сотворил, но отказываться не стал. Между тем Жеаль настаивал на своем:

– Ты должен меня припомнить, дорогой Альгиус! Нас познакомил Ринус Оббельде.

– Я не помню, кто таков этот Оббельде, но, должно быть, изрядный болван, коли познакомил меня с таким невежей, что вваливается к доброму человеку чуть свет, колотит почем зря в двери и... и...

Толкователь запнулся, а Жеаль поспешил заметить, что вовсе не “чуть свет”, а совсем даже послеобеденное время.

– Странно, – подумав, сказал толкователь. – Я полагал, что еще утро. Что ж, хире книгопродавец, входите и разделите со мною трапезу. И вы, хире, тоже, хотя я вас совсем не помню.

Жилище толкователя выглядело бедным и неприбранным, повсюду были раскиданы раскрытые книги, рукописные свитки весьма древнего вида, детали платья, порой довольно интимные – вроде грязных подвязок и панталон. В воздухе держался запах крепкого табака.

Трапеза состояла из вина и нескольких заветренных кусочков мяса. Самое вино оказалось дешевым и кислым, но отказываться ни Бофранк, ни Жеаль не стали. Прихлебывая пойло из глиняных кружек, тяжестью своей могущих сравниться с пушечными ядрами, они внимательно созерцали толкователя сновидений, который с каждым глотком все очевиднее приходил в себя. После второй кружки каналья толкователь широчайше улыбнулся и спросил:

– Что за нужда привела вас ко мне? Но постойте! Я полагаю, если уж вы не кредиторы, то, верно, хотите попросить у меня объяснений, что значил тот или иной сон! Я прав, не так ли?

– Прав, дорогой Альгиус, прав, – кивнул Жеаль. – Хире Бофранк пришел к тебе именно с этим.

– Тогда выпьем еще немного и приступим, – заключил Альгиус. Поспешно сделав несколько глотков, он подвинул к гостям кувшин с остатками вина и молвил:

– Как писал почтенный Он Льевр, “вы можете и дальше пить это пойло, но только делайте это со скромностью, которая пристала приличным людям”. Я же подготовлюсь.

Бофранк не нашелся, что сказать на такую, казалось бы, грубую, однако верную цитату (воистину пойло!), Жеаль лишь засмеялся. Толкователь же никакими особыми приготовлениями себя не утрудил, лишь слегка причесал волосы большим деревянным гребнем да плеснул в лицо горсть воды из большого таза.

– Прежде всего надобно бы вам знать, что сновидения зависят от вещей многих, как неожиданных, так и самых обыденных, – сказал он, возвращаясь к столу. – К примеру, почтенный хире... ну, не стоит здесь называть его имени, скажу только, что это весьма уважаемый человек, владелец магазина вин и нескольких винокурен. Так вот, сей почтенный муж любил за ужином выпить кувшин-другой пива, заедая его моченым горохом – плоскою или двумя. Известно, что пища эта тяжела, оттого хире... хире владелец магазина вин и нескольких винокурен стал видеть во сне, как некий омерзительный суккуб садится ему на грудь и не позволяет дышать, отчего несчастный пробуждался в самом дурном здравии и таком же расположении духа. Я посоветовал ему всего-навсего ограничиваться одним кувшином и одной плоскою гороха, и что же? – Альгиус с гордостью оглядел присутствующих. – Теперь у меня кредит в магазине вин.

– История поучительна, но при чем здесь толкование сновидений? – поинтересовался Жеаль.

– Разве не слышаны вы, что всякое ремесло должно иметь крепкую базу в теории? Потому пейте вино и слушайте. – Сказав так, толкователь схватил с полу толстую книгу, шумно перелистнул несколько страниц, подняв клубы пыли, и принялся читать:

– “Ночной кошмар обычно охватывает людей, спящих на спине, и часто начинается со страшных снов, которые вскоре сопровождаются затруднением дыхания, ощущением сдавливания груди и общим лишением свободы движений. Во время этой агонии они вздыхают, стонут, произносят неясные звуки и остаются в когтях смерти до тех пор, пока сверхъестественными усилиями своей натуры или же с внешней помощью не спасаются от столь ужасного сонного состояния. Как только они сбрасывают удручающую пространную подавленность и способны двигать телом, их поражает сильное сердцебиение, большое беспокойство, слабость и стесненность движений, симптомы постепенно стихают и сменяются приятным ощущением, что они спаслись от неминуемой гибели”.

– Я редко сплю на спине, – возразил Бофранк, – и затруднения дыхания отнюдь не ощущал.

– Это лишь одиночное описание, – отмахнулся Альгиус, – и я не говорил, что ваш случай обязательно совпадет с прочитанным. Поверьте, хире Бофранк, я знаю о великом множестве

странных происшествий, случившихся с людьми во сне. Помню, год тому в квартале Брево один бедный молодой человек страдал чрезвычайно. Его близкие звали лекаря, но умнейший дядя больного припомнил и обо мне. Когда мы прибыли, то увидели несчастного лежащим безмолвно на кровати. Глаза его были выпучены и устремлены в одну точку, руки были сжаты, волосы стояли дыбом, а все тело покрыто обильным потом. Придя в себя, он поведал нам свою удивительную историю. Он рассказал, что лежал примерно с полчаса, пытаюсь заставить себя заснуть, но не мог – из-за головной боли, и примерно в это время в комнате появились существа в облике двух очень красивых молодых женщин, чье присутствие осветило помещение. Они устремились к нему в постель, одна – с правого боку, другая – с левого, чему он неожиданно всячески воспротивился, пытаюсь оттолкнуть или даже ударить их, но руки его все время обнимали пустоту. Девы были настолько сильными, что стащили с него и одеяло, и спальное платье, хотя он прилагал все усилия, чтобы удержать их. Он так долго боролся с ними, что едва не погиб. В течение всего этого времени у него не было сил ни говорить, ни звать на помощь.

– Постойте, хире Альгиус, – перебил его Бофранк, коего дрянное вино неожиданно повергло в игривое настроение. – Этот малый, стало быть, увидел двух сияющих дев, которые к тому же стремились к нему в постель. С чего же он вдруг начал пихать их кулаками?

– В самом деле рассказ твой глуповат, – поддержал констебля Жеаль. – А ну как это были ангелы?

– А вот за это, дорогой Жеаль, тебя однажды сожгут, – серьезно сказал толкователь и погрозил Проктору Жеалю пальцем. – Рассказ же мой был всего лишь иллюстрацией...

– Что же посоветовали вы этому бедняге? – спросил Бофранк.

– Лекарь назначил клистир. Я же выпил с его дядюшкой и славно провел вечер, – ухмыльнулся Альгиус. – Но не подумайте, хире Бофранк, что я всегда отношусь к делу столь поверхностно. Я могу толковать сны богатых клиентов так, как мне оно выгодно, и не очень часто задумываюсь о том, что вижу во сне сам – а ведь должен бы, не так ли? – однако же случай, который меня заинтересует, стремлюсь разобрать с наипохвальной тщательностью. И потому, коли вы уже допили мое вино и не хотите совсем отведать предложенного угощения, прошу вас, поведайте мне наконец, что мучит вас во сне.

Бофранк рассказал толкователю обо всем: о большой луне ярко-красного цвета, о палке и ночном горшке в руках, о черных кошках и о том, что видит сей сон уже восьмую ночь кряду.

– В самом деле? – недоверчиво переспросил Альгиус, нахмурившись. – Странно... Не слыхал о таком, разве что два-три дня подряд, не чаще. И, говорите, совершенно голый? Хм... Что ж, попробую вам помочь, хире Бофранк. Во-первых, существует множество простых заговоров против вреда, который может быть причинен ночью, известны также псалмы и молитвы, чтение которых чрезвычайно полезно. Например, скажите: “Да сгинут ночные кошмары и видения, оставя тела наши неоскверненными!”

– И что же, кошмары сгинут? – осведомился Жеаль, улыбнувшись на эту апофегму.

– Ну что вы, – ухмыльнулся в ответ толкователь Альгиус. – Зачем же. Однако произнести защитное слово не будет лишним; что до вашего сна, хире Бофранк, то я поразмышляю на досуге и сообщу вам его истинное значение. Вас же прошу, коли сей дурной сон случится в очередной раз, непременно известить меня. Не исключено, что мне придется посетить ваш дом и, возможно, даже понаблюдать за вами спящим – в том случае, разумеется, ежели у вас нет никаких предубеждений на сей счет, ибо встречал я людей, которые терпеть не могли, когда кто-либо смотрел на них во время сна. Пока же вы можете спокойно идти, я сообщу вам, что смог извлечь из вашего сна, едва справлюсь с задачей.

– Но я думал, вы скажете мне все сразу же, – в недоумении промолвил Бофранк.

– Не так все просто, – покачал головой Альгиус, приглаживая свои длинные волосы и глядя вроде бы на Бофранка, но в то же время вовсе непонятно куда. – Коли вам не составит

труда навестить меня завтра или же послезавтра – скажем, в такое же время, – я постараюсь вам пособить. Ведь писано: кто поймет, тот восплачет, ибо ничего сделать нельзя.

Сказавши так, Альгиус грустно заглянул в опустевший кувшин.

Если фальшивомонетчиков или других мошенников приговаривают к смерти без малейшего снисхождения, то еретики должны быть не только отлучены с того самого момента, как осуждены, но и умерщвлены.

Фома Аквинский. *Summa Theologica*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Бофранк все-таки не оставляет без внимания рассказ юного Фолькона, а также обнаруживает неожиданное письмо, каковое влечет за собою весьма неожиданную встречу

Узнать о происшествии на улице Поденщиков Бофранку не составило труда – в перерыве между лекциями он завернул в Фиолетовый Дом и нашел там некоего Рохуса Цвинка, довольно пожилого чиновника, каковой занимался смертоубийствами.

– Здравствуйте, хире Бофранк! – приветствовал его старик, непрерывно жуя табак.

– Рад видеть вас, хире Цвинк. Как удачно, что я вас встретил, – как раз хотел спросить, что там за страшное убийство на улице Поденщиков, о котором все говорят.

– Так уж и все, – махнул рукою Цвинк. – Эка невидаль – прикончили блудницу... Всего и необычного, что покуражились над телом, видать, ее дружок то ли пьян был, то ли разумом помрачен...

– Стало быть, убийца известен?

– Да чему тут быть неизвестному? Обычное дело, то ли много денег запросила за утехи, то ли сказала что поперечь. Искать-то его вряд ли станут, коли каждого такого искать...

Бофранк подумал было сказать старику о том, что случилось в поселке, но не решился. Тогда он проследовал в архив – по счастью, юного Фолькона там не случилось, иначе конестабль почувствовал бы себя неловко, – и просмотрел отчет о происшествии. Рассказ юноши полностью совпадал с письменным отчетом о преступлении, равно как и с тем, что в свое время лицезрел сам Бофранк. Тем не менее никаких выводов конестабль делать не стал, поблагодарил архивариуса и вернулся в аудиторию.

Уже вечером, будучи дома и ожидая ужина, конестабль услышал за дверью какой-то шорох. Подумав, что это может быть крыса, он взял каминные щипцы и отворил дверь.

Письмо лежало на самом пороге, и Бофранк лишь успел заметить спину убегающего прочь оборванца. Догонять его конестабль не стал, а поднял конверт и вернулся в комнату.

Внимательно осмотрев подметное послание, Бофранк заключил, что конверт самый обыкновенный, из тех, что можно купить в почтовой конторе, и притом ничем не запечатан. Внутри обнаружился сложенный вдвое лист бумаги – на редкость дурного качества, так что чернила расплывались на ней отвратительными пятнами.

Однако почерк был аккуратным, словно бы писал судейский чиновник либо довольно примерный школяр. Само же письмо содержало вот какой текст:

“Досточтимый хире Бофранк!

Прошу вас не удивляться сей эпистоле, хотя мы совершенно не знакомы. Прошу также не мять и не рвать ее, но дочитать до конца.

Полагаю, нам нужно встретиться, дабы обсудить некоторые вопросы, чрезвычайно для вас (в моем представлении) интересные. Посему предлагаю вам прийти сегодня в полночь к мосту Звонарей, туда, где парапет немного обрушен”.

Подписи не имелось. Пожав плечами, Бофранк бросил письмо на стол и занялся своими делами, сиречь подготовкой к лекции, и совершенно о произошедшем забыл.

Среди различных мелких событий и дел, коими обычно заполнен день в меру занятого образованного человека, Бофранк ни разу более не вспомнил о полученном приглашении. И тем более о нем забыл вечером, когда вместе с Проктором Жеалем отправился в “Луну и горн”, где тот огорошил его известием о намерении сочетаться браком. Бофранк и не ведал, что его

приятель давно уже строил планы на сей счет. Избранницей Жеаль стала дородная девица, давно уже вышедшая из поры юности, именем Эвфемия, дочь торговца кожей. Бофранк пару раз мельком видел ее, но никак не мог подумать что Жеаль положил на нее глаз.

– Одобряешь ли ты мое решение? – спросил Жеаль, наполняя бокал вином.

– Как я могу судить, коли ты уже сам все рассудил, – пожал плечами Бофранк. – Я не знаю, какова хиреан Эвфемия – умна ли, экономна ли, внимательна ли к мужу. Коли я скажу: “Не женись”, ты все одно женишься; коли посоветую жениться, потом, случись что дурное, ты станешь винить меня, что не отговорил вовремя. . .

– Прав, прав ты, друг мой Хаиме! – со смехом отвечал Жеаль. – Но сейчас уже я вижу, что не буду роптать и пенять.

– Тогда женись скорее и не донимай меня более подобными вопросами. В самом деле, ты да Аксель – чем бы еще заняться двум людям, у которых все в жизни чрезвычайно хорошо устроилось.

– А что Аксель?

– Тоже собрался жениться и чрезвычайно горд своею избранницей.

– Пора и тебе переменить жизнь, а то ничего в ней не происходит, – довольно усмехнулся Жеаль.

И тут Бофранк вспомнил про письмо:

– Не скажи, есть и у меня перемены.

И Бофранк поведал о странной эпистоле, принесенной оборванцем, и о том, что в ней содержалось.

– Что бы ты посоветовал? – спросил Бофранк.

Жеаль задумался.

– Более всего напоминает дурную шутку, хотя я не знаю, кто бы хотел так подшутить над тобою. Однако не стоит ходить туда – мост Звонарей и днем не лучшее место для прогулок, не говоря уже о полуночи, да еще когда луна только-только нарождается.

– Но если это и в самом деле важно?

– Ежели это важно, – сказал Жеаль, – то человек этот, несомненно, будет искать с тобою встречи и далее. Ежели это способ, к примеру, заманить тебя и убить, то и в этом случае он может назначить повторное свидание. Я не хочу напугать тебя, но стоит быть осторожнее.

– К чему уж, – отвечал Бофранк, взмахнув увечной рукой. – Я был осторожным, был и неосторожным, и ничего хорошего не извлек в обоих случаях.

Они просидели в “Луне и горне” дотемна, беседа о вещах самых различных, и когда беседа оскудела, отправились по домам, так что в полночь, когда ему надлежало быть у моста Звонарей, Бофранк крепко спал, ничуть не заботясь о том, ждут ли его. Наутро он отчего-то готов был обнаружить на пороге новое письмо, так и случилось. Противу вчерашнего, сегодня оборванца не было – видимо, он явился совсем рано и покинул дом незамеченным.

Конверт был точно такой же, равно как и бумага.

“Досточтимый хире Бофранк!

Я весьма огорчен, ибо первое мое послание вы не восприняли с должной серьезностью. Что ж, я терпелив и назначаю вам еще одну встречу – на этот раз нынче ночью у старой колокольни близ скотобоен, когда часы пробьют полночь. Ежели вы в очередной раз выкажете свое небрежение – пеняйте на себя. Сие не угроза, а лишь сожаление”.

Вместо подписи под текстом стоял знак, коего Бофранк давно уже не видел и совсем не хотел видеть, – то были два наложенные друг на друга квадрата.

Вероятно, в ином случае конестабль не пошел бы к старой колокольне. Но зловеший знак поверг его вначале в размышления, а затем в смятение. Зарекшись любым образом касаться дел люциатов и марцинитов, Бофранк тем не менее часто замечал, что ищет известий о них повсюду – в королевских указах, публикациях в городской газете, в слухах и сплетнях. . . Порою

ему казалось, что все случившееся с ним ранее – лишь болезненный сон и на самом деле ничего особенного не произошло и не происходит, события текут так, как положено им свыше, а ему, Хаиме Бофранку, просто не помешал бы хороший лекарь. В иное же время Бофранк полагал, что каждый шаг его ведом Баффельту и присным и вот-вот возникнет из небытия злокозненный Шарден Клааке, а из канала выберется распавшийся труп Тимманса с перерезанной глоткою, дабы снова постучать в двери...

Возможно, эта опаска и была причиною того, что конестабль уделял слишком много времени вину и чревоугодию. Отличавшийся прежде чрезмерной худобою, теперь Бофранк имел брюшко, пускай и не слишком еще заметное, однако же приличествующее более купцу или трактирщику. Мышцы его, и раньше не налитые особой силой, одрябли, а ловкость, часто искупавшая другие физические недостатки, покинула тело, отвыкшее от тренировок со шпагою. Единственно, чему уделял время Бофранк, так это упражнениям с пистолетом, каковой в свое время подарил ему Проктор Жеаль; во владении этим чудесным оружием он достиг величайшего мастерства. Кстати сказать, в оружейных лавках стало появляться уже подобное оружие, но многие стрелки по старинке предпочитали ему старые одно- и двухзарядные пистолеты, которые полагали более надежными и меткими.

Собираясь к старой колокольне, Бофранк взял с собою и шпагу и пистолет, а также надел специальные перчатки, без которых не мог достойно управляться с оружием.

Выйдя пораньше, он решил добираться пешком, благо скотобойни располагались не столь далеко. Ходить ночью один он ничуть не боялся, куда страшнее для Бофранка было мерзкое зловоние, стоявшее в окрестностях скотобоен и происходившее от гниющей крови, требухи и вывешенных для просушки свежесодранных кож. Поговаривали, что оно является источником многих хворей, среди которых некоторые называли и чуму, – оттого Бофранк взял с собою несколько платков и флакон с духами.

По пути ему встретился одинокий гард, блюдуший порядок на улице. Гард с подозрением оглядел прохожего, прикрывающего лицо платком, но не стал его задерживать, не сомневаясь, очевидно, в благородном происхождении и отсутствии каких-либо дурных намерений.

Более Бофранк не встретил никого, кроме разве нескольких кошек, в чье безраздельное владение поступили ночные улицы спящего города. Как известно, это племя плодится с ужасающей быстротою, потому городские власти пытались бороться с умножением сих тварей самыми различными способами. При королевском дворце и некоторых министерствах и палатах имелись даже специальные служители, в обязанность которым вменялось нещадно истреблять проникавших туда бродячих кошек; но силы были чересчур неравными, и кошачьего полку все время прибывало.

Когда дорогу перебежала очередная хвостатая тварь, Бофранк вспомнил ночное происшествие в поселке и слова Гаусберты:

– Именем Дьявола да стану я кошкой
Грустной, печальной и черной такой,
Покамест я снова не стану собой...

То был старинный наговор, якобы позволяющий человеку обратиться в кошку. В оборотничество Бофранк не верил и уверовал бы, только увидев своими глазами. Но сейчас, когда лунный свет испещрил мостовую черными тенями деревьев, конестаблю стало не по себе и он ускорил шаг.

Колокольня, выстроенная около трехсот лет назад, выглядела весьма уродливо и возвышалась над низкими бедными постройками с редкою нелепостью. Едва будучи достроена, она тут же оказалась заброшена, ибо особой нужды в ней не имелось с самого начала, и для чего только велели ее строить тогдашние епископы, господь их ведает. Но и обрушить либо разобрать колокольню не решались – так она и стояла, давая приют воронам, жабам и иным дрянным существам, коих добрый человек обыкновенно не любит и чурается.

В означенное время на означенном месте Бофранк никого не обнаружил, но почувствовал, что за ним исподтишка наблюдают. Он постоял некоторое время, опираясь на парапет, сделал несколько шагов туда и обратно, после чего притворился, как будто рассматривает звезды. И хотя он со всем тщанием прислушивался к происходящему, все же не заметил, как к нему подошел некий человек, слова которого застали констебля врасплох:

– Я рад приветствовать вас, хире Бофранк!

– И я рад приветствовать вас, хотя мы и не знакомы...

– Я написал записку для вас. Надеюсь, я не слишком испугал вас, хире Бофранк?

– Не испугали, хотя могли бы найти более разумный способ оповестить меня.

Сказавши так, Бофранк обернулся на голос и увидел перед собою не кого иного, как чирре Демеланта. Со времени прошлой встречи тот сильно изменился: завел длинную бороду, как у нюклиетов, да и облачен был несоответственно чину. Впрочем, никаких сведений о Демеланте констебль давно уже не получал и не ведал, чем тот был занят и в каком состоянии пребывали его дела.

– Вижу, вы узнали меня, – сказал тем временем Демелант. – Что ж, это к лучшему. Уверю вас, я не хотел причинить вам никакого вреда. Что же до этой встречи, то она назначена в столь странном месте только потому, что я вынужден скрываться.

– Что же послужило тому причиной?

– Я не могу более исполнять свои обязанности в поселке. Человек, прибывший с грейсфрате Броньолусом, именем Тимманс, говорил со мною и повелел оставить место под страхом сожжения. Вы должны понять меня: я не имел иного выхода...

– Я вас не виню, – сказал Бофранк. – В то же время я удивлен: отчего вы не стали мне помощником?

– Костер, – сказал многозначительно Демелант. – Костер...

– Костер, – согласился с ним Бофранк. – Но, как сказано у Святого Отмара, “не снискал благодати тот, кто убоился боли и скорби во имя господа”.

– Вы говорите как схоласт, – отозвался чирре. – Я узнал строки сии. Но правы ли вы? Я тоже могу ответить цитатою: “Бывало, что грешник глаголил святую истину, а праведник солгал, когда чресел их касался огонь”.

– Так говорил Рохус Дедлер, еретик. Не грешно ли вам цитировать гнусного еретика? Хотя... Как ни печально, еретиком сегодня становится тот, кто вчера еще был верным слугою господа.

– Верно, верно... Но не от вас ожидал я слышать подобные слова.

– Отчего же?

– Хотя бы оттого, что в поселке вы не предприняли ничего, чтобы спасти несчастную хириэль Эльфдал и ее сына, Маленького Хаанса.

– Отчего же не принял?! – воскликнул Бофранк и осекся, поняв, что чирре Демелант вполне мог не знать ничего о том, что сделал констебль в бытность свою в поселке и как пытался – пусть самым жалким образом – восстановить справедливость. Призывать в свидетели Гаусберту и молодого Патса было бы наиглупейшим занятием – ибо где их сыскать?

Бофранк стоял, сжимая в ладони эфес шпаги. Чирре – вернее сказать, бывший чирре – Демелант стоял напротив, ничуть не выдавая волнения. Так прошло некоторое время, после чего Бофранк спросил:

– И что же? Для чего вы позвали меня в это странное место? Отчего велели пенять на себя, коли я не приду?

– Пенять на себя... О, это лишь оборот речи, призванный указать вам на важность события. Я искал встречи с вами, хире Бофранк, ибо волею случая встретил человека, знавшего вас в былые времена и сохранившего о вас добрую память, несмотря на некоторые довольно

печальные обстоятельства. Он хотел бы увидеть вас лично, ибо хочет рассказать вам о многом, что вмешалось в жизнь вашу и мою, но прежде ищет уверенности, что не будет вам противен...

– Вот как? И кто же он?

– Этого несчастного зовут Волтц Вейтль, хире Бофранк.

Вампиры выходят из своих могил ночью, нападают на людей, спокойно спящих в своих постелях, высасывают всю кровь из их тел и уничтожают их... Те, кто волей судьбы попадает под их злобное влияние, жалуются на удушье и полную потерю сил, после чего угасают.

Иоганн Генрих Цонфт. Dissertatio de Vampiris Serviensibus

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Хаиме Бофранку предлагают оставить преподавание, дабы посвятить себя поискам ужасного упыря из Бараньей Бочки

На утро другого дня Бофранк был прямо из аудитории неожиданно вызван к грейскомиссару Фолькону. За ним прислали специального человека – секретаря грейскомиссара Фриска, снаружи констебля ждала карета с гербами.

– К чему такая спешка? – спросил Бофранк, забираясь внутрь. – Я мог хотя бы завершить лекцию. Многие слушатели и без того обделены умом, а мы лишаем их и тех крох, что им дает преподавание.

– Я всего лишь исполняю указание хире грейскомиссара, – пробормотал Фриск, садясь напротив. – Но, питая к вам несомненное уважение, открою секрет: хире грейскомиссара посетил грейсфрате Баффельт, и оба они ждут вас к беседе.

Фриск, чиновник исполнительный и аккуратный, в приятелях Бофранка никогда не числился, более того, констебль относился к нему с осторожностью. Потому слова о “несомненном уважении” удивили Бофранка; очевидно, секретаря подвигли к ним высокие титулы ожидавших Бофранка и следующие из того грядущие перемены, о которых констебль пока не догадывался.

Баффельта он не видывал с той поры, как встретился с ним накануне отъезда на Ледяной Палец. Очевидно, грейсфрате потерял всякий интерес к Бофранку, хотя, с другой стороны, не должен был бы отпускать его из поля зрения. Вероятно, и не отпускал – в конце концов, скрытно следить за констеблем не составляло труда.

Трясаясь в карете по неровной мостовой, Бофранк вспомнил давний свой разговор со стариком Фарне Фогом, который был прерван появлением Шардена Клааке.

– Кто убил грейсфрате Броньолуса, хире Фог? – спросил тогда Бофранк.

– Буду уклончив; убили его люциаты, желая новых распрей, среди которых они творили бы свои дела с большей легкостью и пользой. Я не знаю точно, кто был убийца. Полагаю, что этого никогда не представится возможности узнать ни вам, ни мне. Броньолус колебался в своих решениях; не исключено, что он примкнул бы в конце концов к ним, а власть миссерихордии в единении с силою Люциуса оказалась бы ужасной. Но люциаты в поспешности решили, что Броньолус отвратился от них окончательно, и он принял смерть.

– Кто же тогда убил этих несчастных в поселке?

– И вновь люциаты, хире Бофранк. Но, полагаю, не всех – в смерти несчастной Микаэлины я склонен винить этого негодяя Фульде, сожалея лишь об одном – что не убил его...

– А как же монета, найденная мною у тела девушки?

– Монета лишь оберег, который подарила Микаэлине сестра. Он не спас ее от дрянного убийцы и насильника, хотя мог бы защитить от темных сил. Вот, возьмите, я нашел ее среди ваших вещей. Видите, как порой складывается судьба! Бедняжка Микаэлина была простой девушкой, в отличие от своей сестры Гаусберты. Я не стал вам говорить, но отец Гаусберты и Микаэлины в юности был последователем Фруде и научил тому же одну из дочерей – как полагаю, более умную. В поселке были и другие, кто понимал его: чирре Демелант, к примеру...

– Чирре?! – поразился Бофранк.

– К сожалению, он оказался колеблющимся. Я не знаю, где он теперь, и не стану судить его. Что же до остальных смертей, то они долженствовали, помимо неких магических действий, помочь возвышению миссерихордии, как и случилось. Броньолус постарался на славу, но ради

своей истинной веры, а не ради того, чего жаждали люциаты. Я подозреваю, что и Баффельт заодно с ними – и ваша миссия на Ледяной Палец призвана привлечь внимание пресветлого короля и герцогов к северным землям, находящимся ныне без должного контроля. Отчего не объявить их прибежищем опасной ереси? Сегодня уже трудно найти в королевстве иную ересь: настолько постарались Броньолус и иные... Так не послать ли войска сюда, дабы уничтожить живущих на острове, как некогда сделали сменившие Седрикуса? А заодно отдать бразды в руки люциатов – на сей раз окончательно, дабы более никто не мешал их планам?..

Таков был разговор. Что происходило ныне в северных землях, Бофранк мог только догадываться. В то же время никаких вестей о посланных туда войсках не доходило, и конестабль надеялся, что поселок на острове до сих пор живет спокойной жизнью, которую он однажды столь бесцеремонно нарушил. Что до происков люциатов, то их Бофранк тоже не замечал – но, вполне вероятно, не оттого, что их не было, а оттого, что они производились втайне.

Карета тем временем свернула с выгнувшегося дугою моста на улицу Пекарей: вот-вот должен был показаться Фиолетовый Дом. Конестабль хотел спросить преданно смотревшего на него Фриска, давно ли грейскомиссар Фолькон беседует с Баффельтом, но передумал.

Кивнув при входе отсалютовавшему гарду, Бофранк вошел внутрь и через ступеньку запрыгал вверх по лестнице. Возможно, со стороны это выглядело неуместным ребячеством, но он не мог удержаться – влекло любопытство. Фриск еле поспевал вослед, не решаясь окликнуть конестабли.

Пройдя через приемную, Бофранк, не постучавшись, распахнул дверь в кабинет грейскомиссара и вошел. Фолькон и Баффельт сидели у камина, разглядывая потрескивающие в огне поленья, и молчали.

– Вот и вы! – воскликнул Фолькон, завидев Бофранка. – Прошу простить, что пришлось оторвать вас от занятий, но дело не терпит отлагательств.

– Здравствуйте, хире Бофранк, – приветствовал конестабли Баффельт. Противу прежнего он еще более растолстел, если только такое было возможно. Пронзительные голубые глаза утопали в складках жира, толстые пальцы, напоминавшие секкенвельдские сардельки, лениво перебирали жемчужные четки. – Присаживайтесь, вот свободное кресло.

– Благодарю, – сказал Бофранк, садясь.

– Грейсфрате Баффельт навестил меня довольно неожиданно, – начал Фолькон, – поэтому я не мог знать заранее, что вы понадобится. Скажите, хире Бофранк, не думали вы оставить преподавание?

– Вы же знаете, хире грейскомиссар, мое здоровье оставляет желать лучшего. Поездка на север окончательно его подорвала, так что преподавание – наиболее подходящее для меня занятие. Я надеюсь, что польза, которую могу принести на этом поприще, значительно выше, нежели если бы я работал, как и прежде.

– Не преувеличивайте, хире Бофранк, – улыбнувшись, заметил Баффельт. – Здоровье ваше не хуже моего, если не лучше, ведь я человек уже не молодой и к тому же подвержен чревоугодию. Относительно же вашей поездки на север могу сказать, что она была безупречной, и я стыжусь, что не засвидетельствовал этого ранее. Однако теперь...

... вас увидеть

Примчался я и чту за честь

Узнать, каков вы въяве есть,

А не корысть от вас снискать;

Узнать, права иль не права

Вас возносящая молва,

Верны иль нет ее слова,

Хвалу слагающие вам.

Понятно, что я уже видал вас въяве и ведаю о ваших возможностях и талантах, пожалуй, более других. Однако строки хороши, и я не удержался, дабы не привести их к случаю.

Подобные слова, а особенно стихи удивили Бофранка, но он не подал виду и сказал:

– Я не знаю, что вы хотите предложить мне; ради чего я должен оставить преподавание и учеников, среди которых, пусть и в ничтожном количестве, есть весьма достойные?

– Хороший вопрос, – согласился Фолькон. – Знаете ли вы об упыре из Бараньей Бочки?

– О нем говорят разное, – уклонился от ответа Бофранк. – Чернь глупа и склонна сочинять глупые сказки.

– Но кто-то все же убивает людей, пусть бы и низкого происхождения. Негоже, когда в столице, подле пресветлого короля и герцогов, творится подобное. Грейсфрате Баффельт пришел ко мне, чтобы поговорить об этом, и мы вместе вспомнили про вас. Не соблаговолите ли вы, хире Бофранк, возглавить расследование?

Предложение было неожиданным, к тому же Бофранк почти ничего не знал о пресловутом упыре, кроме разве того, что обсуждали меж собой его студиозусы. Кто-то убил с чрезвычайной жестокостью около дюжины человек, но чем это отличалось от того, что произошло с Розой Эмой Ренатой?..

– Всякая возможная помощь будет предоставлена вам тотчас же, – заверил Баффельт. – Я говорю о церкви, но уверен, что и хире грейскомиссар сделает все возможное.

– Разумеется, – подтвердил Фолькон с готовностью. – Все, что сочтете нужным. И еще одно: поскольку вы чрезвычайно давно не повышались в чине – ах, это моя вина, и только моя! – завтра же я подпишу приказ о возведении вас в субкомиссары.

– Позвольте мне подумать, – попросил Бофранк. – Лишь послезавтра я сообщу вам о своем окончательном решении.

– Отчего же не завтра?! – спросил Фолькон.

– Прошу простить меня, хире грейскомиссар, но завтра я чрезвычайно занят. И если я решу принять ваше предложение, мне тем более необходимо будет разобраться с делами.

– Что ж, это разумно, – сказал Баффельт. – Я совершенно не вижу, почему бы хире Бофранку не подумать пару дней.

– Да, но каждый день – это еще один труп! – возразил Фолькон.

– Полноте, хире грейскомиссар. В местах, подобных Бараньей Бочке, убивают за медный грош, за опрометчивое слово, в конце концов, просто ради пьяного куража. Один или два трупа ничего не изменят, разве что прибавят славы злокозненному упырю. Я прошу вас об одном: сообщите мне, если хире Бофранк примет предложение.

– Разумеется, – кивнул Фолькон.

Поскольку карета все еще ждала Бофранка, он сел в нее и велел вознице ехать на Дровяной холм, с которого видны были крыши Бараньей Бочки. Вместо дров и древесного угля в столице все больше и больше входил в употребление “морской уголь”, привозимый на кораблях из Демрекке и с южных островов. Насколько знал Бофранк, многие жаловались на зловоние при его сжигании; в самом деле, из труб валил необыкновенно черный и гадкий дым, осыпающий все внизу жирною сажей. Однако запрета на ввоз, продажу и использование угля не следовало, только соломенные и дощатые крыши бедных домов из опасения пожаров постепенно заменяли красной черепицею, которая выглядела в лучах предзакатного солнца ярко и празднично. Впрочем, применительно к моменту уместнее было бы сравнить ее с разбрызганными там и сям пятнами крови.

Конестабль стоял под сенью яблоневых деревьев и думал. Жизнь его, вот уже столько времени протекавшая спокойно, вступала, очевидно, в новое русло, полное порогов, поворотов и перекатов. Вначале визит юного Мальтуса Фолькона, затем – странные подметные письма, встреча с Демелантом, коего Бофранк не чаял уже увидеть никогда, кошмарные сны... что же дальше?!

– Прошу прощения, хире, – окликнул возница, – но уже темнеет! Что бы нам вернуться? Место тут беспокойное...

– Погоди еще немного, – велел Бофранк. Что ж, возможно, он и примет предложение.

То, что он вновь понадобился Баффельту, заинтриговало констебля. Он не ведал, что будет дальше, но грейсфрате вспомнил о нем неспроста. Ведь отношение Баффельта к деяниям упыря из Бараньей Бочки проявилось в последних его словах – стало быть, Бофранк надобен не только затем, чтобы изловить убийцу.

– Коли у вас есть ко мне дело, грейсфрате, извольте, – пробормотал Бофранк. – Но я не стану более куклою на веревочке, которую сподручно вертеть так, как угодно фигляру.

И, к несказанному облегчению возницы, он поспешил к карете.

Воздух стал гадким и испорченным, когда это зловонное и гниющее тело бродило вокруг, вследствие чего разразилась ужасная чума и не стало дома, в котором бы не оплакивали своих близких...

Уильям из Ньюбери

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Хаиме Бофранк примиряется с юным Мальтусом Фольконом и встречается с Волтцем Вейтлем

– ...Хире Волтц Вейтль, именующий себя Ноэмой Вейтль! Вы арестованы согласно указу о безнравственных деяниях и будете препровождены в канцелярию, где проведут удостоверение вашего пола. В вашем праве написание жалоб и челобитных, для того сообщая, что мое имя – Раймонд Дерик, секунда-конестабль Секуративной Палаты.

Слова, сказанные человеком, который арестовал несчастного Вейтля – арестовал по доносу Хаиме Бофранка! – с самого утра звучали в мозгу конестабля так, словно он слышал их наяву. И сменялись они взволнованным шепотом Вейтля:

– Я не знаю, за что вы поступили со мной так; возможно, в том моя вина, что я не открылась вам с самого начала... Но откройся я, вы тут же покинули бы меня! А теперь... Теперь я должна бы проклянуть вас за гнусное предательство, но я не сделаю этого. Я люблю вас, Хаиме Бофранк, и буду любить все то время, что отпущено мне в этой жизни. Прощайте...

Ночная встреча и разговор с кирре Демелантом привели Бофранка в чрезвычайное смятение. Вернувшись домой, он так и не сумел заснуть, в чем было лишь одно преимущество – злополучный сон не посетил его. Промаявшись в постели до рассвета, Бофранк вяло позавтракал и стал размышлять, чем же занять себя до вечерней встречи с Волтцем. Занятий в Академии сегодня не было, ехать к Альгиусу без Жеалья не хотелось, а Жеаль уехал с поручением в предместье.

Потому Бофранк не нашел ничего лучше, чем наконец озаботиться судьбою бедного Волтца Вейтля. Что бы он там ни узнал при встрече, стоит к этому приготовиться.

В Фиолетовом Доме конестабль справился насчет Раймонда Дерика и узнал, что тот уж несколько лет как покоится с миром – будучи послан по служебным делам на остров Кепфе как раз в то время как там случилась оспа, он заболел и умер.

– Отчего бы вам не справиться в архиве, хире Бофранк? – спросил любезный чиновник, тьютор Ирмгард. – Что там была за статья?

– Безнравственные деяния, хире Ирмгард.

– О, подобного рода бумаги вряд ли хранятся столь долго... Сами понимаете, в них нет особой нужды. И все же пойдите в архив и справьтесь у молодого хире Фолькона – это весьма разумный молодой человек, в отличие от иных недорослей.

Очевидно, Ирмгард говорил о своем чаде, которое обучалось на начальном курсе Академии и не снискало особых успехов. Поблагодарив чиновника и мысленно пожелав, дабы юный Фолькон отсутствовал, Бофранк в самом деле отправился в архив – и, конечно же, наткнулся на юношу: он что-то прилежно записывал в толстую книгу с металлическими застежками.

– Вот и пришлось навестить вас, хире Фолькон, – сказал Бофранк. Подняв глаза от своей работы, Фолькон смутился, покраснел и тотчас вскочил со словами:

– О, хире Бофранк! Я чрезвычайно рад... надеюсь, я смогу вам чем-то помочь?

– Боюсь, во время вашего визита ко мне мы расстались не слишком хорошо... – начал было Бофранк, но юноша перебил его:

– Нет-нет, не нужно! Я был виноват, я ворвался к вам, нарушил покой, наговорил глупостей, проистекающих из моих досужих измышлений... Я рад буду загладить свою вину, хире Бофранк, только лишь скажите мне, что я должен сделать для вас!

– Ничего особенно трудного – всего лишь помогите найти в архивах дело некоего Волтца Вейтля, осужденного за безнравственные деяния... Занимался им ныне покойный конестабль Дерик, – сказал Бофранк, весьма обрадованный тем, что приятный и милый юноша ничуть не держит на него зла.

Мальтус Фолькон сверился с формулярами, потом скрылся за высокими полками, сплошь заваленными свитками и книгами, но спустя самое малое время вернулся с печальным выражением лица.

– Прошу простить меня, хире Бофранк, но помочь не смогу. Во-первых, у нас нет нужды хранить дела подобного рода чересчур долго, во-вторых, оно оказалось в числе тех, что были пожраны и попорчены крысами шесть лет назад, когда наводнение заставило этих тварей выбраться из подвалов и погребов... Я весьма сожалею, что не смог оказаться вам полезным.

– Тем не менее я благодарен вам за старания. И еще... – Бофранк запнулся. – Знаете, я с некоторых пор думаю, что ваш визит был не столь уж бесполезным. Вполне вероятно, мы еще вернемся к этому разговору; сейчас же я должен удалиться, ибо у меня назначена встреча с человеком, которого я не видел очень давно и, признаться, не чаял уж видеть живым.

– Я всегда к вашим услугам! – пылко воскликнул юноша, прижав к груди попавшуюся под руку хрустальную чернильницу. – Найти меня можно здесь, я обычно задерживаюсь допоздна.

Бофранк, само собою, солгал, когда сказал, что торопится на встречу, ибо уговорился с Демелантом на весьма поздний час. Не имея особенных дел, он побродил по улицам, благо день выдался солнечный и теплый, посидел на набережной, поглядывая на входящие в гавань торговые суда и обозревая сложные маневры военного фрегата из новых кораблей, что во множестве ныне закладывались на верфях. На торговые суда, призывавшиеся для охраны морских проливов и гаваней, более нельзя было полагаться, к тому же и вооружены они были, как правило, недостаточно – абордажные крючья и небольшие пушки бессильны против плавучих оружейных батарей. Пресветлый король выделял из казны огромные средства на создание военного флота, и поговаривали, что сейчас это самый верный путь достичь чинов и богатства для людей происхождения неблагородного.

Все это однажды объяснил конестаблю Жеаль, и Бофранк, помнится, даже хотел порекомендовать бездельнику Оггле Свонку попытать счастья на флоте, ибо тот прилично разбирался в морской науке, да за хлопотами забыл.

Со скуки конестабль купил у мальчишки-разносчика “Хроники” и среди иных артикулов обнаружил один весьма любопытный, связанный со вчерашней беседой у грейскомиссара Фолькона.

Слух о том, что в предместье под названием Баранья Бочка появился ужасный упырь, распространился с небывалою быстротой. Если вчера еще об этом украдкой шептались только слушатели Академии, то сегодня уже упыря обсуждали повсюду, и вот теперь уже и в “Хрониках” появилась небольшая статья на сей счет. Правда, автор ее – некий магистр Бюер – полагал, что упырь суть обыкновенный смертоубийца, с чрезвычайной жестокостью обошедшийся со своими несчастными жертвами; виденное же многими “ужасное ликом человекоподобное чудовище с красными глазами” не что иное, как плод фантазии или бреда – как известно, население Бараньей Бочки образ жизни вело низкий и подлый, мало ли что привидится с пьяных глаз.

– Простите, что нарушаю ваше уединение, – сказал стоявший поодаль незнакомый Бофранку господин с бляхою портового чиновника, – но, как вижу, вы читаете об упыре. Скажите, хире, что вы полагаете об этом?

– Полагаю, что слухи могут быть самые разные, но пока одного упыря не изловят, правды мы так и не узнаем.

– Позвольте представиться – Готард Шпиель, таможенный секутор.

– Хаиме Бофранк, прима-конестабль Секуративной Его Величества палаты, – с достоинством представился Бофранк.

– Позвольте, не сын ли вы будете почтенного хире Бофранка, декана?

– Имею честь быть таковым.

– Я был знаком с вашим отцом в лучшие времена... ну да не об этом речь. Вернемся к нашему упырю – что же можно предпринять? Я спрашиваю не из праздного любопытства, в Бараньей Бочке живут многие мои служащие, потеря которых никак не входит в планы таможенной канцелярии.

– Думаю, что в предместье пошлют ночные дозоры и изловят негодяя, либо он затаится и прекратит свои страшные убийства.

– Но не пристало ли вмешаться церкви?

– Церковь вмешается лишь тогда, когда упырь или тот, кто им себя именует, будет пойман, – дабы сжечь его на костре или ободрать с него шкуру. Сейчас же, простите, толку от церкви для дела ни на грош.

Хире Шпиеля слова Бофранка испугали. Он поспешил откланяться и пошел прочь не оглядываясь, а Бофранк в очередной раз посетовал на свой несдержанный язык и вернулся к “Хроникам”, чтобы узнать иноземные дела. Похоже, южный сосед грозил пресветлому королю войною; конестабль на своем веку войны ни разу не видел, да и неудивительно – последняя военная кампания случилась без малого полсотни лет назад, когда тогдашний король присоединял восточные земли. Конестабль с новым интересом оглядел фрегат, каковой уже направился в открытое море, вздев паруса, чуть поодаль от него шла на веслах низкая широкая бомбарда, черневшая жерлами мортир.

Надобно бы поговорить с Жеалем – тот куда как более сведущ в дипломатических и прочих делах!

Ведь согласно циркуляру, в случае объявления войны прима-конестабль Хаиме Бофранк вполне мог быть направлен в ополчение, ибо его чин равнялся офицерскому в армии. Правда, увечье позволяло надеяться, что сия чаша минет Бофранка, да и войны вполне могло не случиться. Как бы там ни было, конестабль не чувствовал себя готовым к ратным подвигам.

Демелант назначил сегодняшнюю встречу в месте еще более странном, нежели в первый раз. Конестаблю было сказано ехать по Мощеному тракту до поворота к монастырю фелицианок, после чего отпустить экипаж и идти пешком по тропинке, что ведет в противную монастырю сторону, до тех пор, пока не обнаружится разбитый грозой дуб. Так Бофранк и поступил. После бесцельных скитаний по городу, подкрепленных парюю стаканов вина и жареной курицей в “Рыцаре и драконе”, конестабль отправился на двухколесной открытой повозке к указанному месту.

Мощеным тракт именовался по старой традиции, хотя давно уже не был таковым – вымощенная горным камнем часть тянулась немногим более ста шагов за городские ворота, но и на ней булыжник от времени погрузился в почву, так что в непогоду проехать по тракту было столь же трудно, как и по любой другой дороге.

Монастырь фелицианок возвышался на холме, освещенный лучами солнца, уже готовящегося к закату. Высокие сосны, окружавшие его, качал усилившийся к вечеру ветер, он же доносил до Бофранка мерные удары колокола – в монастыре звонили то ли к молитве, то ли к какому иному событию. Фелицианки избежали гонений, которым подверглись иные монашеские ордена, когда король по совету Броньолуса и епископов издал светский декрет и приказал выгнать из своих владений бертольдianцев, селестинцев и прочих новообъявленных отступников от веры – безразлично к их ордену, а также запретил своим подданным давать им убежище под страхом лишения имущества и наказания за оскорбление величества. Сестры-фелицианки славились тем, что безжалостно изнуряли плоть и видели жизнь свою исключительно в служении господу и страдании за грехи людские. Настоятельница монастыря, грейшшвессе

Субрелия, слыла женщиной жестокой и своенравной, равно как и богобоязненной; в разгар борьбы миссерихордии с ересью она изрядно помогла Броньолусу, а впоследствии Баффельту, посему о будущем ордена и монастыря беспокоиться не стоило.

Бофранк был наслышан о том, что творится за черными монастырскими стенами: как молодых послушниц понуждают к самобичеванию, как по несколько дней содержат их, подобно святой Фелиции, в яме с испражнениями, каковыми и заставляют питаться... Говорили также, что над некоторыми производят медицинские операции, дабы лишить их женское естество тех органов, что приносят плотское наслаждение. Поскольку мужчины в монастырь не допускались и даже кардинал с епископами вынужден был беседовать с настоятельницей исключительно вне стен обители, жуткие слухи вполне могли оказаться правдою.

Еще раз глянув на зловещий монастырь, конестабль отыскал взором чуть заметную тропинку и направился к ней. Разбитый грозой дуб он отыскал без труда: огромное дерево, которому было, пожалуй, несколько веков, стояло прямо возле тропинки, на краю леса. Бофранк огляделся, надеясь увидеть Демеланта или Вейтля, а то и обоих сразу, но никого не было. Ветер раскачивал верхушки деревьев, в кустах встрепенулся какой-то мелкий зверек, очевидно испуганный появлением конестабля, да на ветку села ворона...

Бофранк поправил перчатку. Он не думал, что встреча может оказаться опасной, но на всякий случай подготовился к ней – и пресловутые перчатки, и пистолет, и кинжал были при нем.

Ворона, сидевшая на толстом суку дуба, пожалуй, выглядела подозрительно. Уж больно внимательно взирала она на Бофранка. И отчего здесь не видно иных птиц, более милых и веселых, нежели это черное порождение мрака?

Люблю на жаворонка взлет
В лучах полуденных глядеть,
Все ввысь и ввысь – и вдруг падет,
Не в силах свой восторг стерпеть.

Однако ни жаворонка, ни зяблика, ни даже сороки, чей пестрый наряд куда приятней глазу, нежели угольное перо вороны, не появлялось.

Конестабль прикрикнул на птицу, но гадкая тварь осталась на своем месте. Тогда Бофранк запустил в нее палкою, но не попал; ворона каркнула, словно смеясь над потугами конестабля.

– Вот же я тебя, – воскликнул в сердцах Бофранк, и тут же сам рассмеялся, ибо понял, каким нелепым выглядит его поединок с птицей. Глупая тварь – это не оборотень и не упырь из Бараньей Бочки, и отчего бы ей не сидеть тут, в лесу? Если уж на то пошло, присутствие самого Бофранка в этом безлюдном месте куда более нелепо.

– Я благодарен вам за ваше появление, хире Бофранк, – сказал Демелант, неожиданно появляясь из-за кустов крушины. – Признаться, до самого конца у меня оставались определенные опасения – равно как и у моего спутника, который, кстати, имеет к тому все основания.

– Но где же он?

– Отойдем с дороги. Нам ни к чему лишние глаза и уши, пусть это всего лишь заросшая травую тропинка.

По склону холма, заросшему кустарником, Бофранк и Демелант спустились в овраг, на дне которого горел небольшой костер. У костра сидел человек в плаще с надвинутым на лицо капюшоном.

– Волтц Вейтль? – осведомился Бофранк. Голос его дрогнул, потому что он никогда не думал, что эта встреча может случиться.

– Да, любезный Хаиме Бофранк, это я. Порочный сын печатника, или Ноэма Вейтль – как вам более угодно. Садитесь к костру – здесь довольно сыро, к тому же быстро темнеет.

Конестабль опустился на большую корягу. Из-под капюшона сверкнули красноватые огоньки глаз – и тут же скрылись, верно, это просто пламя отразилось в зрачках. Лица не было видно, и Бофранку отчего-то захотелось узнать, сильно ли изменился Вейтль.

Демелант присел чуть в отдалении – вероятно, чтобы не мешать разговору.

– Я не знаю, что сказать вам, – признался Бофранк, видя, что собеседник молчит. – Вина моя огромна, ее нечем искупить... но что могу я сделать в свое оправдание?

– Я пришел не за оправданием и не за мезтью, – отвечал Вейтль, вороша в костре палкою. – Но вначале позвольте мне, Хаиме, поведать, что случилось со мной после нашей встречи в саду Цехов.

– Мои руки и лицо были в крови, потому что я ел плоть ребенка...

– Превращались ли ваши руки и ноги в волчьи лапы?

– Да, превращались.

Из допроса Жака Руле, анжерского волкодлака

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой повествуется о злоключениях Волтца Вейтля, а Бофранк берется за розыски упыря

– Я не могу ни в чем упрекнуть хире Дерика и гардов, которыми я был арестован, – начал Волтц Вейтль, все так же пряча лицо под капюшоном. Голос его – и это Бофранк понял только сейчас – стал не в пример грубее и глуше, нежели прежде. – Я был отправлен в тюрьму, где помещен был в одиночную камеру. Полагаю, попади я – в женском платье! – в общую, мне пришлось бы нелегко. Но я томился один, лишь на следующий день мне дозволили встретиться с отцом, который, впрочем, пришел лишь затем, чтобы заклеить меня проклятием.

Суд был краток – я до сих пор молю господу, что он не предал меня в руки миссерихордии, ибо, как мне рассказывали потом, мои деяния вполне могли трактоваться как бесовское наущение. Я был обвинен всего лишь в нарушении приличий. Всего лишь – потому что меня могли пытать и сжечь либо утопить, хотя впоследствии я часто сожалел о том, что так не случилось... Наказанием мне стала каторга. Верно, вы знаете о рудниках в отрогах хребта Коммен. Туда и повезли всех осужденных – и многие из них были преступниками, душегубами, так что соседство с ними чрезвычайно тяготило. Еще худшим стало прибытие – если в дороге никто не ведал, что я сотворил и за что осужден, то после один из сопровождавших гардов открыл мою печальную историю.

На каторге нет женщин, хире Бофранк. И я вместе с еще несколькими такими же горемыками, избежавшими мученической смерти на костре в пользу мучительной жизни в рудниках... я... нет, я не стану говорить об этом. Скажу лишь, что я часто думал о смерти, мечтал о ней, как мечтает о первом свидании юная девушка. И потому, когда в ущелье начали новую шахту для добычи красного камня, что зовется “глазом вепря”, я напросился на работу. Говорили, что это проклятое место, что в нем обитают пещерные тролли, что сами скалы там истекают изначальным злом, смертельным для человека, но для меня это было как приманка. Что я терял? Ничего.

Нас было чуть более ста человек – тех, кто закладывал шахту. Охрана не спускалась вниз – они ждали наверху, зная, что убежать не представляется возможным.

Кормили нас скудно и дурно – обыкновенно бросали в котел объедки со стола охраны, различные травы и корни, после чего доливали водою и варили на костре. В раскопах мы ловили кротов и мышей, которых поедали сырыми, со шкурой и потрохами... Страшной правдой оказались рассказы о троллях – по крайней мере, с десятков человек пропали в переходах шахты, и никто их более не видел, а вот обглоданные невесть кем кости их мы находили не раз. Руки мои были изранены киркою, глаза воспалены, запорошены не оседающей каменной пылью, уши оглохли от бесконечных ударов, эхом носившихся по каменным туннелям. Что до смертоносного влияния тамошних скал, то я ощутил его на себе.

С этими словами Волтц Вейтль откинул с лица капюшон.

Бофранк отшатнулся, ибо открывшееся его взору зрелище было одновременно и омерзительным и вызывающим сочувствие. Лицо Вейтля, освещаемое неверным светом костра, было сплошь изрыто глубокими складками и морщинами, среди которых торчали жесткие пучки черных безобразных волос. Нос его, некогда чрезмерно длинный, словно бы провалился и зиял диким отверстием; губы же, напротив, выпятились, словно у зверя, а глаза – некогда зеленые глаза ныне горели красным пламенем, и это был совсем не отсвет огня...

– Что это?! – с ужасом спросил Бофранк.

– Проклятие, – прошептал Вейтль, надвигая капюшон. – Проклятие, которое осталось со мною... Я не знаю, что тому виной; ученый человек, который некоторое время работал с нами,

пока не пропал, говорил, что это невидимые испарения тамошних камней, прочие считали, что совсем недалеко оттуда помещается царство зла и воздух из него исходит наружу как раз в шахтах, где мы работаем... Что бы то ни было, я стал ужасен. Произошло это не сразу – вначале лицо покрылось коркою, которая становилась все толще, затем я упал в лихорадке и лежал в ней несколько дней; все думали, что я умру, но я выжил. Вместе со мною заболели еще несколько человек, и это было к лучшему: если бы я был один, меня бы просто убили, но когда подобная напасть постигла сразу нескольких, нас просто бросили в отдельную шахту и не выпускали оттуда, спуская еду на веревке. Там мы жили, ели, спали... Со временем внимание к нам ослабло, и именно это помогло нам бежать. Однажды ночью мы выбрались наружу по той самой веревке, на которой спускали еду, – охрана забыла ее убрать – и бросились кто куда. Я думаю, многие погибли или были тут же пойманы, но я добрался до родных мест. Скрываясь в лесах, похищая на пути еду и одежду, я шел сюда день и ночь с одной лишь целью – увидеть вас, Хаиме Бофранк. Увидеть и... может быть, отомстить... но теперь я не вижу в себе сил... Полноте, я не вижу и вашей вины. Если здесь и была чья-то вина, то лишь моя – Ноэмы Вейтль, девушки, которой больше нет, да никогда и не было...

Коль друга найти б я мог,
Чуждого делу дурному,
Чтоб был со мной не жесток, —
Мне стало б видней, что жизни моей
Есть еще чем утешаться.

– Теперь, если позволите, добавлю я, – сказал ранее молчавший Демелант. – Я живу в предместье Баранья Бочка под именем Урцеля Цанера, писца. Знаете, в тех местах мало кто обучен грамоте, и я зарабатываю на жизнь, сочиняя письма, а также всякие иные бумаги. Хире Вейтля я встретил совершенно случайно – поздно вечером он пытался похитить принадлежавший мне плащ, который я вывесил проветриться. Я пригласил хире Вейтля в свой дом, накормил, дал ему постель и одежду. С тех пор он живет у меня, хотя выходит наружу очень редко и только ночами.

– Позвольте, – сказал Бофранк, – но не значит ли это, что именно вас принимают за упыря, за ужасное человекоподобное чудовище с красными глазами?

– Боюсь, что так оно и есть, – ответил за Вейтля Демелант. – Однако спешу вас уверить, что ко всем этим ужасным убийствам хире Вейтль не имеет никакого отношения. Как я уже сказал, он выходит на улицы только в темноте, и прогулки его коротки... но все же кто-то видел его, и не раз, иначе откуда взяться слухам?

– Все именно так, – кивнул Вейтль. – И знаете что, хире Бофранк? Полагаю, что я знаю, где искать настоящего упыря из Бараньей Бочки, и ведаю, кто умертвил всех этих несчастных...

Когда Бофранк явился к грейскомиссару Фолькону, последний был несказанно рад и никак оной радости не скрывал.

– Ваш выбор верен, хире Бофранк, – сказал он, тотчас же подписывая приказ о возведении Бофранка в чин субкомиссара. – Что нужно вам? Чем я могу помочь?

– Прежде всего я просил бы людей себе в помощь.

– Вы можете взять любых, кого считаете нужным.

– Пусть моя просьба не покажется вам странной, но я хотел бы просить под мое начало вашего сына Мальтуса.

– Вот как? – Фолькон явно пребывал в замешательстве. – Но Мальтус так юн и к тому же всего-навсего архивариус...

– Я имел с ним несколько бесед и сделал вывод, что ваш сын чрезвычайно спор в мыслях, обладает пытливым и здравым умом, и ко всему силен и бодр. Лучшего помощника мне не сыскать.

– Что ж, я не могу препятствовать вам в этой просьбе... Вам нужен кто-то еще?

– Десятник ночного патруля Аксель Лоос, мой бывший слуга и спутник, коему я доверяю безгранично.

– Десятник? Но я мог бы предложить вам опытных чиновников...

– Опыт не всегда главное, хире грейскомиссар.

– Как вам будет угодно. – Фолькон сделал пометку. – Это все?

– Покамест да.

– В таком случае и десятник Лоос и мой сын в полном вашем усмотрении.

– Мне также нужна будет карета для постоянного пользования, в том числе и ночью, а в качестве первого своего распоряжения я просил бы вас направить в Баранью Бочку дополнительные ночные патрули числом шесть. Возможно, понадобится и больше – об этом я скажу вам особо.

– Я и сам подумывал об усилении патрулей, – заметил Фолькон, делая новую пометку. – Это весьма разумно... Что-то еще?

– Нет, благодарю вас.

Когда Бофранк вышел, из-за стола в приемной выскочил Фриск, кланяясь и лепеча поздравительные слова. Конестабль, а теперь уже субкомиссар, не удостоил его особым вниманием, лишь кивнул и отправился в архив.

Молодой Фолькон что-то писал, как и в прошлый раз; тут же присутствовал и старший архивариус Ипсен. Поприветствовав обоих, Бофранк произнес не без торжественности:

– Похоже, ваши мечты понемногу сбываются, хире Фолькон.

– О чем вы? – спросил в недоумении юноша.

– Вы желали настоящей работы? Она перед вами. Только что я принял предложение заняться поимкой упыря из Бараньей Бочки, и в помощники выбрал вас.

– Спасибо! Спасибо, хире прима-конестабль! Как я смогу отблагодарить вас?!

– Хорошей работой, – сказал Бофранк с небывалым для себя добродушием. – И имейте в виду – с сегодняшнего дня я уже субкомиссар Бофранк.

– С повышением вас! Поздравляю! – хриплым голосом вскричал старший архивариус Ипсен, совсем древний старик, державший, однако, в памяти сведений всего лишь немногим меньше, нежели весь архив Фиолетового Дома.

– Насколько я понимаю, это аванс за будущие труды, – отмахнулся Бофранк. – Прошу извинить меня, что отнимаю у вас столь полезного ученика, хире Ипсен.

– Я только рад! Я только рад! – волновался старик. – Юному хире Фолькону давно пора искать применения в ином месте, а не здесь, среди крыс, плесени и книжных червей. Поймайте же эту дрянную тварь и предайте огню, как положено это делать!

– Непременно, – сказал Бофранк.

Наиболее подходящим местом для встречи оказалась “Коза и роза”. В этот час здесь было немногочисленно, к тому же Акселя в здешних местах хорошо знали – посему хозяин принес отличного вина и закусок.

Аксель взялся уже рассказывать о своих свадебных планах, но Бофранк пресек его и велел помолчать, пока не будет приказано иное. Тогда Аксель взялся за вино, благо никаких указаний на сей счет новоявленный субкомиссар не дал, и изготовился внимательно слушать.

– Я, признаться, хотел ответить на предложение вашего уважаемого отца, хире Фолькон, и грейсфрате Баффельта безусловным отказом, – начал Бофранк. – Я уже давно занимаюсь исключительно преподаванием, здоровье мое оставляет желать лучшего, да и история с упырем показалась мне во многом нелепой. Куда нелепее, нежели ваш рассказ о происшествии с этой женщиной, Розой Эмой Ренатой. Но вчера мне открылись обстоятельства, после которых я посмотрел на происходящее совершенно иначе. Теперь я могу со всей убежденностью сказать, что упырь из Бараньей Бочки – вовсе не тот, на кого грешит молва.

– Я не совсем понял, хире, – сказал Аксель, хрустя соленой капустою. – Уж не хотите ли вы сказать, что их двое?

– Помолчи, – велел Бофранк и продолжил: – Упырь – вовсе не упырь, не пресловутое красноглазое чудовище. Чудовищем считают несчастного человека, пораженного ужасной болезнью, который вынужден выходить на свежий воздух лишь под покровом тьмы, тогда как убийца, повергающий в смертный страх все предместье, – совсем другое существо.

– Существо? – переспросил Фолькон.

– Именно. Тот несчастный человек в своих ночных скитаниях видел его, и не раз. И он утверждает, что убийца если и человек, то обладающий нечеловеческими возможностями и способностями. Я не знаю, демон ли это, дьявол ли, но определенно могу сказать одно: трудности, с которыми нам придется столкнуться, самого необычного свойства.

– Так не прибегнуть ли нам к помощи грейсфрате?

– Не исключено, что дойдет и до этого, хире Фолькон. Но пока я буду действовать иным образом. Мне – как и вам, хире Фолькон, – ведомо, что Фиолетовый Дом собирает сведения об убийствах в Бараньей Бочке без особенного тщания. И то верно – кому есть дело до мертвых простолоудинов... Потому первое мое поручение будет к тебе, Аксель. Пускай Оггле Свонк оставит недостойное воровство мяса и отправится в Баранью Бочку, покрутится там по харчевням и иным злачным местам, где собирается всякий сброд, а равно и по рынку, да пусть послушает, что говорят в народе. Мнится мне, так можно будет разузнать куда больше, нежели из отчетов Секуративной Палаты.

– Тотчас же сделаю, – сказал Аксель, с сожалением глядя на оставшуюся выпивку и закуску.

– Торопливость не всегда похвальна, так что не спеши. Что до вас, хире Фолькон, то я просил бы проверить со всей возможной тщательностью, когда начались эти убийства в предместье и случались ли подобные им в других местах города. Не исключено, что их попросту не догадались связать воедино.

– Прошу простить меня, хире субкомиссар, но вы сказали, что знаете человека, которого принимают за упыря. Насколько я понимаю, он и поведал вам об истинном обличье чудовища; отчего же он не указал с точностью, кто он таков и где его можно изловить?

– К сожалению, он не знает, кто таков упырь и где обитает. Он лишь видел его в ночи и даже стал случайным свидетелем очередного убийства; обстоятельства однако складываются так, что именно этот несчастный может стать объектом охоты, а я желал бы защитить его. Я не стану открывать всех деталей моего с ним знакомства, но, каюсь, вина моя пред ним безгранична, и я рад буду хоть чем-то помочь, дабы загладить хоть малую ее часть...

Посидев еще немного, Аксель и юный Фолькон отправились исполнять указанное, Бофранк же остался сидеть перед кувшином вина, снедаемый грустными мыслями.

Где кончается тварь, там начинается Бог. И Бог не желает от тебя ничего большего, как чтобы ты вышел из себя самого, поскольку ты тварь.

Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения

**ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой события неожиданным образом
направляются в совершенно иную сторону,
а также вновь появляется толкователь
сновидений Альгиус, изрекающий страшное**

Следующим днем свежеиспеченный субкомиссар Бофранк проснулся чрезвычайно поздно. Наверное, виною тому была дурная погода, благодаря которой даже к полудню снаружи стояли словно бы сумерки. Все шло к тому, что вот-вот начнется жуткий ливень.

Именно в полдень Бофранк и проснулся; голова его кружилась, а долгий сон отнюдь не принес облегчения, хотя нынешнего своего сновидения Бофранк рассказать бы не смог – не помнил.

Понюхав ароматную соль из флакончика, субкомиссар сделал несколько простых упражнений, чем давно уже не занимался, отчего тут же подивился сам себе. Нельзя сказать, что это взбодрило его, равно как не взбодрил принесенный завтрак, чересчур жирный и давно уже остывший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.